

УДК 323.2/314.74

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-9

Григорьева М. В.¹,
Балакина Ю. В.²

**Как формируется общегражданское «мы»?
Анализ инструментов символического включения
в интеграционной политике^{1*}**

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, 101000, Россия; mariya.grigoreva@hse.ru

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Б. Печерская, д. 25/12, г. Нижний Новгород, 603155, Россия; julianaumova@gmail.com

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа применяемых в современном мире институционализированных практик, формирующих представления об общей гражданской идентичности через обращение к ценностям, историческим нарративам, коллективной памяти и публичным символическим действиям. Методологическую основу работы составляют качественный сравнительный анализ зарубежных кейсов, а также анализ нормативных документов, государственных программ, материалов гражданской интеграции, музейных и мемориальных практик. В качестве кейсов рассмотрены практики Германии, Канады и Австралии как примеры различных подходов к формированию гражданской принадлежности мигрантов, а также Франции и Великобритании – для выявления ограничений существующих моделей. Исследование показывает, что в различных странах используется сходный набор инструментов интеграционной политики, включая языковые и гражданские курсы, тесты на знание страны, процедуры натурализации, церемонии получения гражданства, музейные проекты и практики публичной памяти. Вместе с тем их содержание и функции существенно различаются. В Германии символическое включение строится вокруг конституционных ценностей и исторической ответственности, в Канаде – на сочетании мультикультурализма и общего исторического нарратива страны иммиграции, в Австралии – на формировании принадлежности через разделяемые гражданские ценности и публичное признание культурного разнообразия. Французский и британский кейсы показывают, что наличие отдельных интеграционных инструментов не гарантирует формирования устойчивого чувства принадлежности. Сделан вывод о том, что эффективность символического включения определяется содержательным наполнением конкретных инструментов и способностью государства формировать непротиворечивую символическую рамку гражданской принадлежности. Один и тот же инструмент может транслировать различные модели интеграции в зависимости от исторического и политического контекста. Результаты исследования позволяют расширить понимание символического измерения интеграционной политики и могут быть использованы при разработке подходов к формированию гражданской принадлежности в условиях многонациональных и многоконфессиональных обществ.

^{1*} Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSE-BR-2026-013 "Гражданская идентичность и традиционные ценности: исторические модели в коммуникативной практике")

Ключевые слова: миграция; символическое включение; гражданская идентичность; мультикультурализм; историческая память; интеграционная политика

Для цитирования: Григорьева, М. В. и Балакина, Ю. В. (2026), «Как формируется общегражданское “мы”? Анализ инструментов символического включения в интеграционной политике», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(3), 100-112. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-9

How is the civic “we” formed? Symbolic inclusion tools in integration policy^{2*}

M. V. Grigoryeva¹, Yu. V. Balakina²

¹ HSE University, 20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia; mariya.grigoreva@hse.ru

² HSE University, 25/12 B. Pecherskaya St., Nizhny Novgorod, 603155, Russia;
julianaumova@gmail.com

Abstract. In the context of intense international migration and increasing ethnocultural diversity, the integration of migrants has become an important issue for public policy. While existing research primarily focuses on the socio-economic and legal dimensions of integration, less attention has been paid to the mechanisms through which migrants develop a sense of belonging to the host society. This study addresses this gap by examining symbolic inclusion as a set of institutionalized practices aimed at fostering civic belonging through values, historical narratives, collective memory, and public symbolic actions. The novelty of the study lies in its comparative analysis of integration policies through the lens of symbolic inclusion and in identifying different models of institutionalizing civic belonging. The research is based on a qualitative comparative analysis of Germany, Canada, and Australia, complemented by the cases of France and the United Kingdom to highlight the limitations of existing approaches. The analysis draws on policy documents, citizenship and integration materials, public programs, and museum and memorial practices. The findings show that different countries employ a similar set of instruments, including language and civic courses, citizenship tests, naturalization procedures, citizenship ceremonies, museums, and memory practices. However, their content and functions vary significantly. Germany emphasizes constitutional values and historical responsibility, Canada combines multiculturalism with a shared national narrative, and Australia promotes belonging through civic values and public recognition of cultural diversity. The French and British cases demonstrate the limitations of alternative approaches to symbolic inclusion. The study concludes that the effectiveness of symbolic inclusion depends less on the presence of specific instruments than on their substantive content and their capacity to create a coherent framework of civic belonging.

Keywords: migration; symbolic inclusion; civic identity; multiculturalism; historical memory; integration policy

^{2*} This article is an output of the research project HSE-BR-2026-013 "Civic Identity and Traditional Values: Historical Models in Communication Practice", implemented as part of the Basic Research Program at HSE University.

For citation: Grigoryeva, M. V. and Balakina, Yu. V. (2026), “How is the civic ‘we’ formed? Symbolic inclusion tools in integration policy”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(3), 100-112. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-9

Введение

Интенсификация миграционных процессов и рост этнокультурного разнообразия актуализируют вопросы интеграции инокультурных сообществ, в том числе в контексте обеспечения консолидации общества и формирования гражданской идентичности.

Интеграция все чаще рассматривается не только как социально-экономическая или правовая адаптация, но и как процесс включения в общее символическое пространство принимающего общества через освоение коллективной памяти, исторических нарративов и традиционных ценностей. Как показывают результаты исследований, именно символическое измерение интеграции во многом определяет устойчивость гражданской солидарности и долгосрочную включенность новых членов общества в единое гражданское сообщество (см., например: (Penninx and Garcés-Mascareñas, 2016) (Fajth and Lessard-Phillips, 2023)).

Особый интерес в этой связи представляет зарубежный опыт, демонстрирующий различные модели использования символических ресурсов в интеграционной политике. Обращение к зарубежным кейсам позволяет выделить и описать механизмы, которые могут быть сопоставлены с российским контекстом. Цель статьи – на материале зарубежных кейсов описать и сравнить инструменты символического включения, применяемые в интеграционной политике.

Символическое включение мы определяем как институционализированную практику формирования чувства принадлежности к сообществу посредством гражданских ценностей, исторических нарративов, коллективной памяти и публичных символических действий.

Теоретические основания

Для анализа инструментов символического включения актуален вопрос о каналах, через которые общие представления становятся частью публичной культуры. В грамшианской традиции такие каналы рассматриваются через понятие гегемонии: социальный порядок поддерживается согласованием представлений о нормальном, допустимом и ценном (Gramsci, 1971) (Laclau and Mouffe, 2014). С этой точки зрения образование, публичные ритуалы, государственные праздники, школьные программы, музеи и медиа рассматриваются в качестве ключевых инструментов символического включения, через которые формируются представления об общей истории и легитимных общественных ценностях.

В логике диалога культур идентичность формируется через соотнесение разных культурных позиций (Библер, 1991) (Bakhtin, 1984), что имеет принципиальное значение для анализа интеграции, поскольку общие исторические и ценностные рамки могут работать как механизм гражданской идентичности только при учете культурных различий и неравенства позиций участников взаимодействия (Perry and Southwell, 2011) (Elias and Mansouri, 2020) (Оводова, 2018).

Этносимволистский подход Э. Смита (Smith, 1991) и концепция «воображаемых сообществ» Б. Андерсона (Anderson, 2006) позволяют уточнить значимость исторической памяти, коллективных символов и публичных ритуалов, определяя, что политическое сообщество воспроизводится через представления о прошлом, общие образы принадлежности, институциональные практики памяти, образование и медиа. В рамках настоящей статьи эти подходы используются как основание для анализа конкретных

инструментов, таких как экзамены для мигрантов, образовательные материалы, музеи миграции, апелляции к памятным датам и пр.

В итоге интеграция понимается как сочетание институционального участия и символического включения в общее пространство гражданской идентичности.

В исследованиях интеграции отсутствует консенсус относительно классификации и подходов к ее изучению. Так, предлагается анализировать интеграцию на микро-, мезо- и макроуровне (Lindo, 2005). В других работах выделяются структурные, культурные, социальные и политические измерения (Rodat, 2017), а также другие модели, включающие экономические, языковые, социальные, политические, психологические и другие показатели (Harder et al., 2018).

Вместе с тем большинство современных исследований сходятся в том, что для анализа интеграции инокультурных сообществ целесообразно выделять по меньшей мере пять взаимосвязанных уровней.

Первый уровень – структурный – связан с включением индивида в систему образования, рынок труда, жилищную инфраструктуру, здравоохранение и административные сервисы. Этот уровень интеграции чаще всего становится объектом государственной политики, поскольку поддается количественной оценке и институциональному регулированию.

Второй уровень – культурный – связан с освоением языка, норм поведения, символических кодов и повседневных практик принимающего общества. Исторически именно этот уровень чаще всего отождествлялся с ассимиляцией, однако в современных исследованиях данное утверждение было пересмотрено в связи с развитием идеи селективной аккультурации, предполагающей возможность успешного включения без полного отказа от собственной культурной идентичности (Ahrensberg, 2026). Аналогичные тенденции прослеживаются и в исследованиях интеграционной политики, где культурная интеграция рассматривается как процесс освоения норм принимающего общества без обязательного отказа от собственной культурной принадлежности (Rodat, 2017).

Третий уровень – социальный – наличие дружеских связей, соседских контактов, участие в локальных сетях и организациях, а также повседневный опыт взаимодействия с представителями принимающего большинства (Wessendorf and Phillimore, 2019) (Glorius, Bürer and Schneider, 2021).

Четвертый уровень – гражданско-политический – участие в выборах, гражданских инициативах, взаимодействие с государственными институтами и чувство политической принадлежности, то есть приверженность общим нормам, ценностям и правилам общественной жизни (Goodman, 2010) (Pettersson, 2025).

Пятый уровень – идентификационный – формирование чувства принадлежности и эмоциональной связи с принимающим обществом или же оппозиции ему (Fajth and Lessard-Phillips, 2023) (Slootman, 2018).

Поскольку предметом статьи являются инструменты символического включения, далее рассматриваются прежде всего культурное, гражданско-политическое и идентификационное измерения. Структурное и социальное измерения учитываются как контекст, но не становятся самостоятельным объектом анализа.

Методология

Исследование выполнено в логике качественного сравнительного анализа кейсов.

В исследование включены 5 кейсов, демонстрирующих различные подходы к сочетанию инструментов интеграционной политики.

Германия – пример формирования гражданской принадлежности через конституционные ценности и историческую ответственность, Канада – через сочетание мультикультурализма и общего исторического нарратива, Австралия – через общие гражданские ценности и чувство принадлежности. Кейсы Франции и Великобритании

используются для выявления ограничений: первый ориентирован на универсальное гражданство, второй характеризуется отсутствием единой политики символического включения.

Материалом для исследования послужили нормативно-правовые акты, официальные документы органов государственной власти, статистические данные, материалы учреждений гражданства и интеграции, музейных и мемориальных институтов, а также академические исследования, посвященные проблемам миграционной интеграции, национальной идентичности и политики памяти.

Предметом анализа являются инструменты символического включения: гражданское образование и тестирование, процедуры приобретения гражданства, мемориально-исторические практики и музейные формы репрезентации миграции и национальной истории.

Зарубежные кейсы интеграции

Германия

Немецкая интеграционная политика в большей степени ориентирована на включение мигрантов в общий конституционный порядок через освоение языка, знание демократических институтов, правовых норм и исторической ответственности ФРГ.

В национальном плане действий по интеграции этот процесс включает пять этапов: подготовку до миграции, первичную интеграцию, участие [в общественной жизни], непосредственно интеграцию в принимающее сообщество и социальную сплоченность³.

Основной инструмент первичной интеграции – интеграционный курс BAMF (Bundesamt für Migration und Flüchtlinge), который объединяет языковую адаптацию и гражданско-нормативное включение. Курс знакомит участников с правовым порядком, культурой и историей Германии, демократической системой, базовыми ценностями, региональными особенностями, а также позволяет освоить язык на базовом уровне⁴. Масштаб интеграционных курсов позволяет рассматривать их как системный элемент федеральной интеграционной политики. Так, в первом полугодии 2025 г. было выдано около 223 тыс. разрешений и обязательств на участие⁵.

Следующие инструменты – тест *Leben in Deutschland* (LiD) и экзамен на гражданство (*Einbürgerungstest*). По сути, это один и тот же тест, состоящий из 33 вопросов по трем темам: «Жизнь в демократии», «История и ответственность» и «Человек и общество». Тем самым историческая память позиционируется как элемент гражданской социализации и один из критериев символической принадлежности к политическому сообществу⁶. В § 10 Закона о гражданстве закреплено признание особой исторической ответственности Германии за

³Die Bundesregierung. *Making integration easier for migrants: FAQs on the National Action Plan on Integration*, 29.07.2020 [Электронный ресурс], URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-en/service/archive/aktionsplan-integration-1772728> (дата обращения: 31.05.2026).

⁴Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. *Inhalt und Ablauf eines Integrationskurses*, 30.04.2025 [Электронный ресурс], URL: <https://www.bamf.de/DE/Themen/Integration/TraegerLehrFachkraefte/TraegerIntegrationskurse/Paedagogisches/InhaltAblauf/inhalt-ablauf-node.html> (дата обращения: 26.05.2026).

⁵Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. *Integrationskurszahlen: Integrationskursgeschäftsstatistik für das erste Halbjahr 2025*, 27.11.2025 [Электронный ресурс], URL: <https://www.bamf.de/DE/Themen/Statistik/Integrationskurszahlen/integrationskurszahlen.html> (дата обращения: 27.05.2026).

⁶Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. *Einbürgerung in Deutschland*, 10.06.2025 [Электронный ресурс], URL: <https://www.bamf.de/DE/Themen/Integration/ZugewanderteTeilnehmende/Einbuengerung/einbuengerung-node.html> (дата обращения: 28.05.2026).

национал-социалистическое неправоное правление и его последствия, включая защиту еврейской жизни, мирное сосуществование народов и запрет ведения агрессивной войны⁷.

Таким образом, германский кейс демонстрирует модель символического включения, основанную на нормативной интеграции в конституционное сообщество прежде всего посредством освоения общего правового и ценностного порядка. Язык, гражданское образование, тестирование и процедуры натурализации образуют единую цепочку, в рамках которой мигрант последовательно включается в пространство демократических норм и исторической ответственности. При этом инструменты модели не позволяют установить, каким образом формируется эмоциональная идентификация мигрантов с немецким обществом и как различные группы интерпретируют предлагаемый государством историко-политический нарратив.

Канада

Канадский кейс релевантен как пример модели, в которой символическое включение строится на сочетании признания культурного разнообразия и общей гражданской идентичности. В отличие от Германии, канадская модель исходит из того, что различные культурные сообщества могут сохранять собственную идентичность, являясь частью единого политического сообщества.

Мультикультурализм признан в Канаде официальной политикой и закреплён в Canadian Multiculturalism Act. В официальном описании акта среди целей значатся признание и сохранение мультикультурного наследия, полное и равное участие людей и сообществ разного происхождения в жизни общества, устранение барьеров участия, равное обращение, равная защита законами⁸.

Гражданско-нормативный инструмент представлен тестом на гражданство и официальным руководством “Discover Canada: The Rights and Responsibilities of Citizenship”. Тематически тест проверяет знания о правах и обязанностях гражданина, истории, географии, экономике, системе управления, законах и символах Канады⁹ и сопоставим с германским тестом “Leben in Deutschland”, однако в канадской версии дополнительно присутствуют вопросы о Канаде как об обществе, сформированном несколькими волнами миграции и поддерживаемом культурным разнообразием. Руководство “Discover Canada”, в свою очередь, посвящено истории Канады, ее наследию, государственному устройству, официальным и неофициальным символам, географии и пр.

С точки зрения символического включения руководство выполняет важную интегрирующую функцию, поскольку формирует общий язык гражданской идентичности через представления об истории страны, демократических институтах и пр. Таким образом, государство одновременно признает культурное многообразие и предлагает общий национальный нарратив, в который могут включаться представители различных этнокультурных групп.

Особенностью канадского кейса является то, что общий нарратив строится также вокруг переосмысления отношений между государством и коренными народами посредством

⁷ Staatsangehörigkeitsgesetz. § 10 [Электронный ресурс], URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stag/___10.html (дата обращения: 29.05.2026).

⁸ Government of Canada. Canadian Heritage. About the Canadian Multiculturalism Act. Date modified: 03.06.2024 [Электронный ресурс], URL: <https://www.canada.ca/en/canadian-heritage/services/about-multiculturalism-anti-racism/about-act.html> (дата обращения: 30.05.2026).

⁹ Immigration, Refugees and Citizenship Canada. Study Guide – Discover Canada – The Rights and Responsibilities of Citizenship. Date modified: 14.02.2025 [Электронный ресурс], URL: <https://www.canada.ca/en/immigration-refugees-citizenship/corporate/publications-manuals/discover-canada.html> (дата обращения: 21.05.2026).

включения в клятву гражданства упоминания прав First Nations, Inuit и Métis¹⁰. Тем самым новым гражданам предлагается принять определенную интерпретацию исторического развития страны.

Музейная политика реализуется, например, через Canadian Museum of Immigration at Pier 21 (Национальный музей иммиграции Канады) в Галифаксе, репрезентирующий опыт прибытия иммигрантов, трудности, с которыми они столкнулись, роль иммиграции в строительстве, культуре, экономике и пр.¹¹ В контексте темы статьи значение музея заключается не столько в репрезентации миграционного опыта, сколько в трансляции определенной интерпретации канадской истории. Музейный нарратив выполняет функцию символического включения, представляя миграцию как базовый элемент национальной истории, что в итоге позволяет новым группам воспринимать собственную историю как часть истории Канады.

Таким образом, канадский кейс демонстрирует модель символического включения, основанную на сочетании мультикультурного признания и общего гражданско-исторического нарратива.

Ограничение канадской модели состоит в том, что правовое признание мультикультурализма и декларация включения мигрантов не устраняют неравномерность этого включения. Статистика показывает, что в 2024 г. 36 % жителей Канады в возрасте 15 лет и старше за последние пять лет сталкивались с дискриминацией или несправедливым обращением¹². Таким образом, проблема неравного включения не ограничивается этапом первичной миграционной адаптации и может сохранять актуальность для последующих поколений мигрантов.

Австралия

Австралийский кейс является примером ценностно-гражданской модели символического включения. Подобно Канаде, Австралия рассматривает культурное разнообразие как часть национальной идентичности и официально поддерживает мультикультурную политику. Вместе с тем австралийский подход в большей степени ориентирован на формирование чувства принадлежности через разделяемые гражданские ценности, участие в общественной жизни и публичное признание культурного разнообразия.

По данным переписи 2021 г., 27,6 % населения Австралии родились за рубежом, а 48,2 % имели хотя бы одного родителя, родившегося за пределами страны¹³, что объясняет встроенность вопросов культурного разнообразия в политическую повестку.

Основу политики интеграции составляют три взаимосвязанных принципа: укрепление общественного взаимодействия и партнерства между государством и сообществами (connection), предполагающее координацию действий государства и сообществ в сфере интеграции; идентичность и принадлежность (identity and belonging), реализуемые через

¹⁰ Immigration, Refugees and Citizenship Canada. Canada's oath of citizenship now recognizes First Nations, Inuit and Métis rights, 21.06.2021 [Электронный ресурс], URL: <https://www.canada.ca/en/immigration-refugees-citizenship/news/2021/06/canadas-oath-of-citizenship-now-recognizes-first-nations-inuit-and-metis-rights.html> (дата обращения: 20.05.2026).

¹¹ Government of Canada. Canadian Heritage. Canadian Museum of Immigration at Pier 21. Date modified: 16.08.2017 [Электронный ресурс], URL: <https://www.canada.ca/en/canadian-heritage/corporate/portfolio-organizations/canadian-museum-immigration.html> (дата обращения: 01.06.2026).

¹² Statistics Canada. Half of racialized people have experienced discrimination or unfair treatment in the past five years. The Daily, 16.05.2024 [Электронный ресурс], URL: <https://www150.statcan.gc.ca/daily-quotidien/240516/dq240516b-eng.htm> (дата обращения: 24.05.2026).

¹³ Australian Bureau of Statistics. 2021 Census: Nearly half of Australians have a parent born overseas, 28 June 2022 (Электронный ресурс), URL: <https://www.abs.gov.au/media-centre/media-releases/2021-census-nearly-half-australians-have-parent-born-overseas> (дата обращения: 15.05.2026).

программы изучения английского языка, политику гражданства и участие в культурной, спортивной и общественной жизни; а также инклюзия (inclusion), направленная на обеспечение равного доступа к государственным услугам и создание условий для полноценного участия различных культурных групп в жизни общества¹⁴.

Данные принципы реализуются посредством следующих инструментов символического включения.

Быть гражданином означает владение английским языком, знание прав и обязанностей, понимание значения гражданства и приверженность австралийским ценностям¹⁵. В перечень ценностей включены уважение к свободе и достоинству личности, свобода религии, слова и объединений, верховенство права, парламентская демократия, равенство возможностей.

Второй инструмент реализуется через публичное признание культурного разнообразия. Например, Harmony Week – ежегодная инициатива правительства Австралии, направленная на публичное признание культурного разнообразия, инклюзии, уважения и принадлежности¹⁶. С точки зрения символического включения, значение Harmony Week в этом случае заключается в том, что ответственность за интеграцию распределяется между принимающим обществом и новыми группами населения. Через регулярные публичные мероприятия государство транслирует представление о культурном разнообразии как о нормальной и желательной характеристике австралийской нации.

Особое место в австралийской модели занимает использование публичной памяти как инструмента формирования гражданской солидарности. В отличие от Германии, где историческая память связана прежде всего с ответственностью за прошлое, в Австралии важную интеграционную функцию выполняет позитивный национальный миф, воплощенный в традиции ANZAC. Australian War Memorial описывает Anzac Day как день национального поминовения: ритуальные службы, марши, мемориальные церемонии и встречи ветеранов¹⁷. В материалах мемориала “Anzac spirit” связывается с выносливостью, мужеством, изобретательностью, взаимовыручкой¹⁸. Однако в исследовании Т. Roppola и соавторов, посвященном восприятию наследия ANZAC мигрантами – посетителями Australian War Memorial, показано, что участники по-разному соотносили военное наследие с австралийской идентичностью. Для одних оно становилось механизмом участия в национальном нарративе, для других – прежде всего формой неформального обучения и интерпретации истории (Roppola et al., 2019). В контексте статьи такой вывод может говорить о том, что символическое включение не обязательно предполагает замену прежних идентичностей новой национальной идентичностью. Напротив, участие в австралийском историческом нарративе может сочетаться с сохранением транснациональных и семейных связей. Тем самым публичная память выступает пространством переговоров о принадлежности между государством и различными группами населения.

¹⁴ Australian Government. Department of Home Affairs. Multicultural affairs. Last updated 2026 (Электронный ресурс), URL: <https://www.homeaffairs.gov.au/about-us/our-portfolios/multicultural-affairs> (дата обращения: 16.05.2026).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Australian Government. Harmony Week. 2026 (Электронный ресурс), URL: <https://www.harmony.gov.au/> (дата обращения: 16.05.2026).

¹⁷ Australian War Memorial. The Anzac Day Tradition. 2022 (Электронный ресурс), URL: <https://www.awm.gov.au/commemoration/anzac-day/traditions> (дата обращения: 17.05.2026).

¹⁸ Australian War Memorial. Anzac spirit. 2023 (Электронный ресурс), URL: <https://www.awm.gov.au/articles/encyclopedia/anzac/spirit> (дата обращения: 17.05.2026).

Еще один инструмент, как и в случае с Канадой, – музейная репрезентация миграции как части национальной истории: экспозиция “*Identity: Yours, Mine, Ours*” в Immigration Museum в Мельбурне¹⁹, Migration Museum в Аделаиде²⁰ и другие.

Таким образом, австралийский кейс демонстрирует модель символического включения, основанную на сочетании мультикультурного признания, гражданских ценностей и публичных практик формирования идентичности. В отличие от канадского подхода, где объединяющим элементом выступает общий исторический нарратив страны иммиграции, австралийская модель делает больший акцент на разделяемых ценностях, общественном участии и символическом признании разнообразия. Вместе с тем данные о восприятии миграции и различиях в уровне социальной сплоченности показывают, что даже при высокой поддержке мультикультурализма символическое включение остается неравномерным и зависит от социального положения, происхождения и жизненного опыта различных групп населения (O'Donnell, Guan and Prentice, 2025).

Франция и Великобритания

Рассмотренные кейсы показывают относительно фиксированный набор инструментов символического включения (языковые и гражданские курсы, тесты на знание страны, официальные материалы о правах и обязанностях, музеи миграции, памятные даты, публичные программы). Таким образом, для уточнения границ рассмотренных моделей целесообразно обратиться к двум дополнительным кейсам – Франции и Великобритании.

Во Франции основными инструментами символического включения являются языковая подготовка, гражданская подготовка, экзамен на знание гражданских основ, знакомство с историей и культурой страны. С 2026 г. гражданская подготовка включает экзамен из 40 вопросов с акцентом на республиканстве Франции²¹. Акцент на продвижении республиканских ценностей отчасти сближает французскую модель интеграции с немецкой, где интеграция также строится через общий нормативный порядок, однако во Франции республиканский код более выражен.

Во Франции также проводится работа с исторической миграцией в рамках музейной политики, например, через Musée national de l'histoire de l'immigration (Национальный музей истории иммиграции), миссия которого определяется как «собирать, сохранять и делать доступной историю иммиграции», включая темы расизма, дискриминации, рабства и колонизации²².

При этом французский случай демонстрирует одно из ключевых ограничений символического включения. В отличие от канадской и австралийской моделей, где культурное разнообразие институционально признается как часть национальной идентичности, французский республиканизм исходит из универсального статуса гражданина и стремится минимизировать политическое значение этнокультурных различий. В результате мигрантам предлагается включение прежде всего через принятие общей республиканской идентичности, тогда как пространство для публичного выражения групповых особенностей остается существенно ограниченным.

¹⁹ Museums Victoria. Immigration Museum. Identity: Yours, Mine, Ours (Электронный ресурс), URL: <https://museums victoria.com.au/immigrationmuseum/whats-on/identity-yours-mine-ours/> (дата обращения: 23.05.2026).

²⁰ Migration Museum. Permanent Exhibitions. History Trust of South Australia (Электронный ресурс), URL: <https://migration.history.sa.gov.au/whats-on/permanent-exhibitions/> (дата обращения: 22.05.2026).

²¹ Direction de l'information légale et administrative. Qu'est-ce que le contrat d'intégration républicaine (CIR)? Vérifié le 01.01.2026 (Электронный ресурс), URL: <https://www.service-public.gouv.fr/particuliers/vosdroits/F17048> (дата обращения: 18.05.2026).

²² Palais de la Porte Dorée. The Musée national de l'histoire de l'immigration (Электронный ресурс), URL: <https://www.palais-portedoree.fr/en/the-musee-national-de-l-histoire-de-l-immigration> (дата обращения: 23.05.2026).

Великобритания, в свою очередь, использует такой стандартный инструмент гражданской интеграции, как тест на знание страны “Life in the UK Test”²³. По функции тест сопоставим с тестами Канады, Австралии и Германии, поскольку проверяет знание прав, институтов, истории, символов и норм общественной жизни. Однако в британском кейсе этот инструмент стал предметом парламентской критики. В 2022 г. комитет палаты лордов по вопросам правосудия и внутренних дел указал, что справочник к тесту выглядит как набор малоизвестных фактов и субъективных утверждений, а сам тест может выполнять скорее барьерную функцию, а не интеграционную. Комитет также отметил проблемные исторические утверждения, включая описание Британской империи и Второй мировой войны, и призвал к срочному пересмотру теста и справочника²⁴. В контексте данного исследования высказанная критика показывает, что гражданские тесты способны выполнять не только интеграционную, но и селективную функцию, делая проверку знаний, по сути, административным барьером для получения статуса. Тем самым сама логика символического включения оказывается поставленной под вопрос.

Помимо теста для Великобритании актуальна церемония получения гражданства, которая представляет собой ритуальный механизм символического включения через публичное признание нового гражданина как члена политического сообщества²⁵.

В отличие от Австралии и Канады, отдельные интеграционные меры в Великобритании адресованы не всем мигрантам, а конкретным группам. Например, Refugee Employability Programme (Программа содействия трудоустройству беженцев) была рассчитана на поддержку беженцев в Англии и включала помощь с трудоустройством, курсы английского языка, интеграционную поддержку через ориентацию в местных сервисах, сообществах, здравоохранении и уходе за детьми²⁶.

Наконец, в Великобритании точечно применяется музейная политика, направленная на представление миграции. Например, Migration Museum получил одобрение на создание постоянного музея в Лондоне; открытие заявлено на 2028 г.²⁷.

Таким образом, британский кейс демонстрирует еще одно ограничение символического включения. В стране используются отдельные инструменты символического включения, однако они не образуют столь же целостной и институционально оформленной модели, как в Германии, Канаде или Австралии.

Заключение

Рассмотренные кейсы показывают, что в интеграционной политике зарубежных стран используется сходный набор инструментов символического включения: языковые и гражданские курсы, тесты на знание страны и ее истории, процедуры и церемонии получения гражданства, официальные материалы о правах и обязанностях граждан, музейные

²³ GOV.UK. Life in the UK Test: What happens at the test (Электронный ресурс), URL: <https://www.gov.uk/life-in-the-uk-test/what-happens-test> (дата обращения: 19.05.2026).

²⁴ House of Lords Justice and Home Affairs Committee. UK citizenship test needs urgent review, says Lords committee. 30.06.2022 (Электронный ресурс), URL: <https://www.parliament.uk/business/lords/media-centre/house-of-lords-media-notice/2022/june-2022/uk-citizenship-test-needs-urgent-review-says-lords-committee/> (дата обращения: 20.05.2026).

²⁵ GOV.UK. Citizenship ceremonies (Электронный ресурс), URL: <https://www.gov.uk/citizenship-ceremonies> (дата обращения: 19.05.2026).

²⁶ Home Office. Refugee Employability Programme. Last updated 04.12.2024 (Электронный ресурс), URL: <https://www.gov.uk/guidance/refugee-employability-programme> (дата обращения: 19.05.2026).

²⁷ Migration Museum. About the Migration Museum (Электронный ресурс), URL: <https://www.migrationmuseum.org/about-our-project/> (дата обращения: 22.05.2026).

проекты, мемориальные практики и публичные программы, направленные на формирование чувства принадлежности к принимающему обществу.

Выявленные инструменты позволяют выделить несколько моделей символического включения.

Германский кейс демонстрирует конституционно-мемориальную модель, в которой гражданская принадлежность связывается с конституционными ценностями и порядком, а также историческим нарративом признания ответственности. Канадский кейс может быть описан как модель символического включения, сочетающая мультикультурализм и общий исторический нарратив, в котором история миграции рассматривается не как внешнее дополнение к национальной истории, а как один из ее центральных элементов, позволяющий включать новые группы населения в общее политическое сообщество. Австралийский кейс определяется как ценностно-гражданская модель, в которой ключевое значение имеет формирование чувства принадлежности через разделяемые гражданские ценности, публичное признание многообразия и участие в общественной жизни.

Французский и британский кейсы, в свою очередь, позволяют выявить ограничения различных подходов к символическому включению. В первом случае они связаны с более жесткой республиканской трактовкой гражданской идентичности, во втором – с отсутствием единой концепции, связывающей механизмы интеграции воедино.

Сопоставление рассмотренных стран показывает, что один и тот же инструмент может использоваться для конструирования различных версий гражданского сообщества, определяемого как «мы». Например, тесты для получения гражданства могут использоваться для формирования представлений о демократических институтах, общего исторического нарратива или для закрепления определенного набора гражданских ценностей. Аналогичным образом функции музейных и мемориальных практик варьируются от институционализации исторической ответственности до включения миграционного опыта в национальную историю и формирования общегражданских ценностей.

Таким образом, сравнение кейсов показывает, что различия между моделями символического включения определяются не набором используемых инструментов, а доминирующим механизмом формирования гражданской идентичности.

Исследование также позволило выявить ограничения инструментов символического включения, в частности то, что институциональное признание принадлежности не гарантирует ее автоматического принятия различными группами населения. Даже при условии продвижения официальной политики мультикультурализма, в некоторых случаях сохраняются различия в опыте дискриминации, восприятии миграции и уровне социальной сплоченности. В свою очередь, гражданские тесты и процедуры натурализации наряду с интеграционной функцией выполняют функцию исключения, становясь барьером для получения статуса, что позволяет рассматривать символическое включение как рекурсивный процесс согласования между государством, принимающим обществом и различными группами населения.

Для российского контекста это означает, что мы не можем заимствовать модели зарубежного опыта интеграции напрямую, поскольку для успешного переноса их в российский контекст необходимо определить, какие исторические нарративы и системы ценностей могут быть представлены как общегражданские, через какие институты они должны транслироваться и как не допустить того, чтобы интеграция представляла собой лишь формальную проверку знаний о стране. С этой точки зрения, результаты анализа зарубежных кейсов предоставляют набор ориентиров для дальнейшей разработки инструментов, учитывающих российское многонациональное и многоконфессиональное общественное устройство.

Литература References

- Библер, В. С. (1991), *От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век*, Политиздат, Москва.
- Bibler, V. S. (1991), *Ot naukoucheniya k logike kultury: Dva filosofskikh vvedeniya v dvadtsat pervyy vek* [From the Doctrine of Science to the Logic of Culture: Two Philosophical Introductions to the Twenty-First Century], Politizdat, Moscow, USSR.
- Оводова, С. Н. (2018), «Диалог культур: объяснительные возможности постколониальной оптики в философии культуры», *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 46, 86-94. DOI: 10.17223/1998863X/46/10; EDN: YUOMWD
- Ovodova, S. N. (2018), “Dialogue of Cultures: Explanatory Possibilities of the Postcolonial Perspective in the Philosophy of Culture”, *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 46, 86-94. DOI: 10.17223/1998863X/46/10; EDN: YUOMWD
- Anderson, B. (2006), *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, Verso, London and New York.
- Bakhtin, M. M. (1984), *Problems of Dostoevsky's Poetics*, ed. and transl. by Emerson, C., University of Minnesota Press, Minneapolis.
- Elias, A. and Mansouri, F. (2020), “A Systematic Review of Studies on Interculturalism and Intercultural Dialogue”, *Journal of Intercultural Studies*, 41(4), 490-523. DOI: 10.1080/07256868.2020.1782861
- Fajth, V. and Lessard-Phillips, L. (2023), “Multidimensionality in the Integration of First- and Second-Generation Migrants in Europe: A Conceptual and Empirical Investigation”, *International Migration Review*, 57(1), 187-216. DOI: 10.1177/01979183211063457
- Glorius, B., Bürer, M. and Schneider, H. (2021), “Integration of Refugees in Rural Areas and the Role of the Receiving Society: Conceptual Review and Analytical Framework”, *Erdkunde*, 75(1), 51-60. DOI: 10.3112/erdkunde.2021.01.04
- Goodman, S. W. (2010), “Integration Requirements for Integration's Sake? Identifying, Categorising and Comparing Civic Integration Policies”, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 36(5), 753-772. DOI: 10.1080/13691831003764300
- Gramsci, A. (1971), *Selections from the Prison Notebooks*, ed. and transl. by Hoare, Q. and Nowell Smith, G. International Publishers, New York.
- Harder, N., Figueroa, L., Gillum, R. M., Hangartner, D., Laitin, D. D. and Hainmueller, J. (2018), “Multidimensional Measure of Immigrant Integration”, *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 115(45), 11483-11488. DOI: 10.1073/pnas.1808793115
- Laclau, E. and Mouffe, C. (2014), *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*, 2nd ed., Verso, London and New York.
- Lindo, F. (2005), “The Concept of Integration: Theoretical Concerns and Practical Meaning”, *Social Integration and Mobility: Education, Housing and Health*, in Asselin, O., Fonseca, L., Malheiros, J. and Reeger, U. (eds), Centro de Estudos Geográficos, Lisbon, Portugal, 7-20.
- O'Donnell, J., Guan, Q. and Prentice, T. (2025), *Mapping Social Cohesion 2025*, Scanlon Foundation Research Institute, Melbourne, Australia.
- Penninx, R. and Garcés-Masareñas, B. (2016), “The Concept of Integration as an Analytical Tool and as a Policy Concept”, in *Integration Processes and Policies in Europe: Contexts, Levels and Actors*, Springer, Cham, 11-29. DOI: 10.1007/978-3-319-21674-4_2
- Perry, L. B. and Southwell, L. (2011), “Developing Intercultural Understanding and Skills: Models and Approaches”, *Intercultural Education*, 22(6), 453-466. DOI: 10.1080/14675986.2011.644948
- Pettersson, J. (2025), “Civic Integration and the Negation of Collective Selfhood: A Normative Analysis through Paul Ricoeur's Notions of Identity”, *Distinktion: Journal of Social Theory*, 26(2), 205-228. DOI: 10.1080/1600910X.2024.2350945
- Rodat, S. (2017), “Immigration, Cultural-Ethnic Diversity and Integration Policies”, *Anuarul Universității „Petre Andrei” din Iași. Fascicula: Drept, Științe Economice, Științe Politice*, 20, 190-210.
- Roppola, T., Packer, J., Uzzell, D. and Ballantyne, R. (2019), “Nested Assemblages: Migrants, War Heritage, Informal Learning and National Identities”, *International Journal of Heritage Studies*, 25(11), 1205-1223. DOI: 10.1080/13527258.2019.1578986.

- Slootman, M. (2018), Studying Ethnic Identification: Tools and Theories”, *Ethnic Identity, Social Mobility and the Role of Soulmates*, Springer, Cham, 13-40. DOI: 10.1007/978-3-319-99596-0_2
- Smith, A. D. (1991), *National Identity*, University of Nevada Press, Reno.
- Wessendorf, S. and Phillimore, J. (2019), “New Migrants’ Social Integration, Embedding and Emplacement in Superdiverse Contexts”, *Sociology*, 53(1), 123-138. DOI: 10.1177/0038038518771843

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Григорьева Мария Владимировна, старший преподаватель, Школа коммуникаций, Факультет креативных индустрий, Высшая школа экономики, ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, 101000, Россия; mariya.grigoreva@hse.ru

Балакина Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, профессор департамента фундаментальной и прикладной лингвистики, Высшая школа экономики. ул. Б. Печерская, д. 25/12, г. Нижний Новгород, 603155, Россия; julianaumova@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS:

Mariya V. Grigoryeva, Senior Lecturer, School of Communications, Faculty of Creative Industries, HSE University, 20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia; mariya.grigoreva@hse.ru

Yuliya V. Balakina, Candidate of Philological Sciences, Professor of the Department of Fundamental and Applied Linguistics, HSE University, 25/12 B. Pecherskaya St., Nizhny Novgorod, 603155, Russia; julianaumova@gmail.com